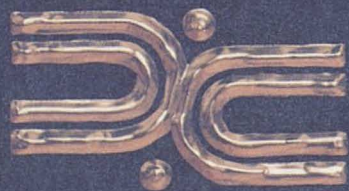

У2005
352 к

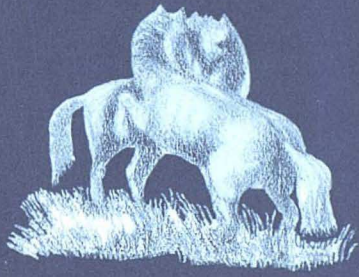
СЛОВО СЕДЬМОЕ

МУХТАР МАГАУИН
КОБЫЗ И КОПЬЕ

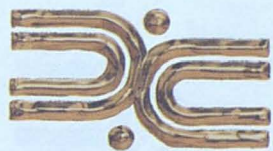

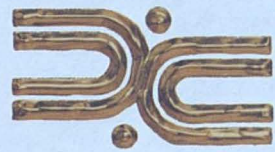

Cinco de Mayo
Cinco de Mayo
Cinco de Mayo

legimus nos
legimus nos
legimus nos
legimus nos

Ребенок рождается на свет, наследует два
качала. Первое из них требует еды, тепла и
сна. Это — потребность плоти, без этого тело
не может существовать приставившим для души, не
будет расти и крепнуть. Другое — тяга к по-
знаванию.

Младенцу тянется к ярким вещам, бе-
рет их в рот, пробует на вкус, прикасывается к
щеке. Встречается, слышит звуки дудки или
свирели. Подростки, бегут на лай собаки, на
голоса

животных, на смех и плач людей, теряет
покой, спрашивает обо всем, что видит
глаза и слышат уши: "Что это? Зачем это?
Почему он так плачет?". Это уже потребность
души, желает все видеть, все слышать, всему
учиться.

Не раскрыв для себя видимый и невидимый
тайн Вселенной, не объяснив всего себе, человеку
не стать человеком. В бытии души такого чело-
века тогда никак не отличается от бытия
иной твари.

Изначально Бог отличил человека от жи-
вотного тем, что надлил его душой. Почему мы,
повзрослев

и поумнев, не ищем и не находим
удовлетворения только любопытству, что
в детстве доставляло нас забавлять о еде и
сне?

Почему мы не избираем путь тех, кто ищет
знаний? Как бы неустанно ищут круге своих
интересов, изучают знания, которые
питают наши души. Как бы понять, что
блага души несравненно выше телесных,
и подчинить плотские потребности великому
души.

МУХТАР МАГАУИН

КОБЫЗ И КОПЬЕ

ПОВЕСТВОВАНИЕ
О КАЗАХСКИХ
АКЫНАХ И ЖЫРАУ
XV-XVIII ВЕКОВ

АЛМАТЫ · МЕКТЕП

ВВЕДЕНИЕ

— Так спой мне, жырау!

Возглас прозвучал все-таки неожиданно, хотя Кетбуга был готов услышать его с той минуты, когда ранним утром вошел в эту белую девятистворчатую юрту. Войлочные стены юрты плотны, низ их засыпан землей, а земля твердо утрамбована, но все равно холодно здесь: пронизывающее дыхание осеннего месяца караш проникает сквозь войлок. А может быть, холодом веет от неподвижной фигуры повелителя?

Чингис-хан закутался в кунью шубу. Ее пышный воротник наполовину закрыл лицо. Брови мрачно сдвинуты, веки опущены. Кажется, что он дремлет.

Уже много часов великий каган восседает так. Возможно, он спит, а возможно, замышляет новые походы, мечтает о том, что копыта его неистовых степных коней растопчут новые, неведомые племена, что его воины разрушат и разграбят далекие богатые города.

Кетбуга сидит на узорчатом, багровых оттенков туркменском ковре, скрестив ноги и опираясь на свой кобыз. Он устал от долгого ожидания. Ему уже стало казаться, что каган, должно быть, уснул, но вот, выходит, он обманулся...

Старый певец чуть наклонился вперед, внимательно смотрит в лицо повелителя и сосредоточенно думает.

О чем же спеть ему сегодня? О подвигах славных бахадуров седой древности? А если запеть о тех унижениях и обидах, что испытал от врагов своих мальчик, не имевший сильных родичей и еще не доставший рукой до гривы коня, то в кошачьих, пронзительно-желтых глазах кагана — глазах, в которые не в силах прямо взглянуть ни один человек на земле, — могут сверкнуть слезы. Если же продолжить песнь и рассказать в ней о том, как этот мальчик вырос и окреп, как надел он кольчугу и поднял на своем хвостатом копье отрубленную голову врага в стальном шлеме — того врага, что еще вчера так жестоко издевался над ним, — то, может, каган и засмеется своим хриплым смехом?.. Но нет, не дослушает сегодня Чингис-хан до конца этот жыр: другие у него мысли. Что ответить ему, если спросит он: «Какие известия о Джучи?».

Нужно опередить его. Не дать ему возможности задать вопрос. Ведь, по обычаю предков, наказание вестнику скорби — смерть. Виновен ли он, невиновен — все равно смерть.

— Куда ни пойдешь, везде пред тобою могила Коркыта! — пробормотал певец.

— Что ты сказал? — приоткрыл глаза каган.

Кетбуга устроился поудобнее и, подняв глаза на повелителя, сидевшего выше, вдруг произнес:

— Море загрязнилось, кто очистит его, мой хан?

Тополь свалился, кто поставит его, о мой хан?

Каган на миг растерялся, потом усмехнулся:

— Если море загрязнится, очистит его мой сын Джучи,

Если тополь свалится, поставит его мой сын Джучи!

Голос его кажется твердым, как всегда. Но чуткое ухо певца уловило в нем какую-то еле заметную дрожь, знак неуверенности. «Знает, — подумал Кетбуга. — Сердце подсказывает ему».

Три дня тому назад любимый сын Чингис-хана, правитель Кипчакской степи Джучи, не вернулся с охоты. Нукеры, сопровождавшие его, рассказали, что им встретился табун куланов. Когда стрела Джучи-хана ранила одного из куланов, тот, сначала хромя, потом все ускоряя свой бег, ушел в глухую степь. Джучи-хан на кипчакском тулпаре далеко опередил других преследователей и вскоре скрылся в голубом мареве.

Вот так исчез Джучи-хан. Никто не знал, жив ли он или мертв. Военные обшарили все ущелья и скалы, речки и тугаи, пески и камыши. Наконец вчера вечером, когда солнце садилось в свое гнездо, нашли труп хана. Неизвестно, кто принес ему смерть — коварный враг или копыта кулана. Главный визирь решил, что скорбную весть о смерти Джучи должен донести до слуха кагана Кетбуга...

«Он знает, — думает Кетбуга, — чувствует, но не желает верить. Или я ошибаюсь? Может, Чингис-хан, который уверен, что отличается от нас, смертных, и ищет бессмертия, вовсе не думает о гибели сына — ведь Джучи не достиг и половины лет отца и был в расцвете сил. Нужно, обязательно нужно сообщить кагану горестную весть. Но ведь черному вестнику скорби одно наказание — смерть!»

Найманы оказали отчаянное сопротивление, когда велением Великого Неба — Кок Тенгри — никому не известный раньше бродяга Темучин превратился в Чингис-хана, оседлал белого тулпара и поднял девятихвостое белое знамя, которое прошумело над десятками стран и народов. Но времена изменились, и он, один из вождей найманов, Кетбуга-жырау, сел у правого колена Чингиса. С тех пор прошло двадцать лет...

Да... Жизнь подданного — на лезвии ханской сабли. Но ведь и Чингис, избранный Небом, тоже всего лишь человек. Поэтому все в воле Бога!

Но думай не думай — повелитель отдал приказ, приходится выполнять его. Кетбуга настроил кобыз и заиграл кюй Коркыта. Щемящая, скорбная мелодия заполнила юрту. Каган вздрогнул, когда негромко зазвучал тягучий, печальный кюй, но долго слушать не смог.

— Хватит, — произнес он мрачным властным тоном. Кетбуга замер, ожидая следующего приказа.

— Что-нибудь другое... Сыграй такое, чего я не слышал раньше.

Кетбуга долго молча смотрит вниз, по-прежнему не выпуская кобыза из рук. Только сейчас он окончательно понял всю безысходность своего положения.

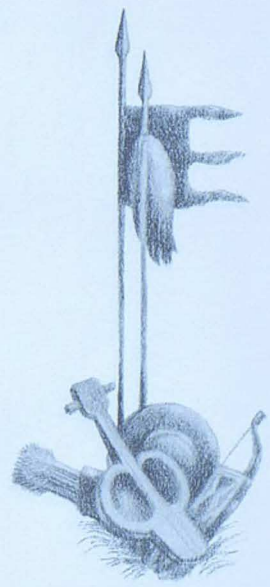
В сознании мелькнуло смутное видение... Коркыт... Коркыт...

Ведь даже сама беспощадная Смерть сорок лет была околдована чудесной игрой Коркыта на кобызе. Что же он дрожит перед каким-то чужеземцем? Кетбуга горько усмехнулся. Эх, проклятое время... И он резко поднял голову. По его обветренному смуглому лицу с начавшей сесть бородой пробежала тень волнения, так волнуется луг с высокой травой в сильный ветер. Лежавшая на коленях правая рука торопливо поднялась и прикипела смычком к струнам крутого кобыза.

И запело, зазвенело сухое дерево. Сначала раздались звуки, похожие на тревожное ржание жеребца-пятiletка, ищущего свой табун. У Чингиса холод сковал спину. Глаза подернулись туманом, он впервые взглянул на сидевшего напротив Кетбугу. Кюйши был похож на беркута, собравшегося взлететь. Он стал сгустком какой-то колдовской мощи. Казалось, не он играет на кобызе, а кобыз сам рассказывает обо всем... Вот тревожная мелодия перешла в рыдающую скорбь... Это жалобный стон косули, потерявшей своего детеныша, это тоска верблюдицы, оплакивающей своего верблюжонка. Это поминальный плач матери, потерявшей единственного сына. В глазах кагана блеснула слеза. Вдруг он ясно услышал слова:

Испугался хромой кулан,
От испуга скрылся в туман.
Все равно, пусть ты в это не веришь,
Но погиб твой сын — Джучи-хан!

Каган впился глазами в лицо Кетбуги. Тот застыл отрешенно, сжав губы, стиснув зубы, вперив свой огненный, как у беркута, взгляд в одну точку. Все замерло. Казалось, только кобыз еще жив и мрачно повторяет со сверхъестественной силой:

Сын твой погиб... Сын твой погиб...

Сын твой погиб... Сын твой погиб...

По глубоким морщинам кагана побежали горячие слезы. Они прятались в длинной желтоватой бороде, уже начавшей покрываться инеем.

Теперь острая скорбь сменилась тяжкими, однообразными, гулками, как удары морской волны о берег, медленными вздохами:

Толстого, чтоб не похудел, нет,

Моря, которому был бы предел, нет,

Вечного, чем бы владел, нет!

Нет...

Нет...

Нет...

Каган не слышал других слов. Безмолвно сидел он, и слезы текли по его окаменевшему лицу. Неизвестно, сколько прошло времени, но вот кобыз замер, оборвав свою скорбную песнь восклицанием:

Пусть небо здоровье пошлет самому тебе, хан!

Чингис поднял голову. Перед ним, обнимая пустотелую деревяшку, сидел белоголовый сухой старик. Каган в ярости вскочил, и тишину разорвал крик:

— Джучи! Джучи! Погиб Джучи! Я потерял сына! Погиб! Мой Джучи-хан... Мой отважный сын... Горе мне, горе!

Он стремительным движением выхватил из ножен кривую короткую саблю. Слезы его уже высохли.

Тигриные глаза огромного широкоплечего Чингис-хана метали молнии, он медленно и грозно надвигался на сидевшего к нему лицом Кетбугу. Вот он уже рядом. Вот он уже готов отсечь ему голову одним взмахом клинка.

— Слово, повелитель! — воскликнул жырау, подняв кобыз. — Наказание за скорбную весть — смерть. Но ведь не я принес весть о гибели Джучи. Ведь не я, а этот кобыз рассказал тебе о несчастье, не я, а он принес тебе печальную весть!..

Стальной клинок выпал из обессилевших рук кагана. Блеснув золотой рукояткой, упал на ковер. Чингис-хан долго смотрел на кобыз, поднятый Кетбугой, и затем горестно произнес:

— Как кулан я, что скорбит без конца,
потому что детеныш погиб.

Лебедь я, потерявший птенца,
потому что мой сын погиб.

Зарыдав, он без сил опустился на ковер.

За тяжкую весть поплатился кобыз — по приказу Чингис-хана его горловина была залита расплавленным свинцом.

Так гласит старинное предание, дошедшее до нас через века. В нем повествуется, как великий жырау Кетбуга известил грозного Чингиса о гибели его любимого сына Джучи.

Среди казахов бытует много подобных легенд об исторических личностях далекого прошлого. Можно было бы и эту историю принять за легенду, не имеющую под собой никакой реальной основы. Но этот рассказ встречается и в персидском источнике XV века «Шаджарат аль-атрак» — «История тюрков». Здесь вестник смерти Джучи-хана носит имя Улуг-жырши — Великий певец. Содержание обеих версий — фольклорной и книжной — почти идентично, различия есть лишь в их стихотворных текстах.

Бряд ли можно утверждать, что события, изложенные в этой легенде, точно соответствуют исторической действительности. Даже если мы поверим, что Чингис-хан обладал поэтическим даром. Тем не менее многие события этой легенды, видимо, действительно имели место. Что же нам известно?

Старший сын Чингис-хана Джучи в самом деле погиб на охоте. Его могила находится на берегу реки Кенгир на территории Карагандинской области. И по сей день многие кюйши исполняют кюй «Хромой кулан — Джучи-хан», считая его именно тем кюем, которым Кетбуга известил Чингиса о смерти Джучи. Казахские шежиреши (летописцы) считают Кетбугу родоначальником племени балталы рода найман. В народных песнях о Кетбуге говорится как о мудром аксакале, седобородом предводителе своего народа.

Конечно, все эти сведения — не выдумка. Можно с уверенностью полагать, что в эпоху Чингис-хана, в XIII веке, у найманов был великий жырау Кетбуга, чьи песни и сказания в то время были широко известны в народе. Жырау Доспамбет, живший в конце XV — начале XVI века, упоминает о бие Кетбуге, цитирует его изречения. Но до нашего времени дошло лишь овеянное легендами имя Кетбуги.

Таким же легендарным певцом выступает Сыпыра-жырау. Его произведения тоже не сохранились. В письменных источниках отсутствуют какие-либо достоверные свидетельства о нем. Но память народная хранит и это имя. Образ мудрого старца, народного заступника, фигурирует во многих произведениях казахского богатырского эпоса. В «Ер Тар-

Тизенгаузен В. Г.
Сборник материалов,
относящихся
к истории Золотой
Орды. Т. II. М.; Л.,
1942. С. 203—204.
Оригинал.
С. 263—264.

гыне» говорится, что Сыпыра-жырау «своими толгау исправил девять ханов». В жыре «Тельагыс» он призывает народ к единству в борьбе с внешними врагами, а в жыре «Едиге» он — мудрый старейшина, «достигший ста восьмидесяти лет». Имя Сыпыра (Сувра, Супра-жырау, Сафар-дау) упоминается во всех вариантах этого жыра у разных тюркоязычных народов. Любимый народом сказитель Мурын считал себя потомком Сыпыра-жырау. В каракалпакской литературе Сыпыра известен как основатель самой большой школы эпических певцов.

Стремоухов Н. П.

Киргиз-певец

// Детское чтение.

1884. № 1.

С. 255—272.

Овеяно легендами и имя жырау Жума-Кула. По словам Н. Стремоухова, его сказания можно было услышать только на рассвете, перед восходом солнца, когда запевали жаворонки. Судя по этому, Жума-Кул жил в те далекие времена, когда религией кочевников был шаманизм.

Кочевники придавали особое значение искусству красноречия и языку чувств — поэзии. Русские и европейские ученые и путешественники XVIII—XIX веков, исследовавшие казахскую степь, неизменно обращали внимание на поэтичность казахов, на то, как высоко ценили они искусство слова, и на то, что каждый род, даже каждый аул имел своего акына. Само собой разумеется, что этот дар не опустился на наш народ в один прекрасный день с неба. Совершенно ясно, что такой уровень и такое широкое распространение поэтической культуры являются результатом длительного становления. Казахи, имевшие богатую поэзию акынов и жырау в XVIII веке, и в более ранние времена знали, что такое стихи.

Приведенные выше легенды доказывают, что и в древности казахи любили и ценили искусство поэзии, что казахский народ и в древности имел своих поэтов и великих жырау. Но все-таки легенда есть легенда. Что мы узнали из рассказанных историй? Только имена жырау, и больше ничего. Возможно и вероятно, что жил когда-то великий жырау Кетбуга, но что дошло до нас из его творений?

Огонь оставляет золу. Пламя развеет ветер, занесет песок, но там, где горел огромный костер, всегда остается след. Как археологи находят в толще земли и под барханами песка остатки когда-то цветущих городов, так и историк литературы, копаясь в курганах литературного наследия, может обнаружить бесценные крупницы древней поэзии кочевников, живших в далекие века в гармонии с природой и создававших неповторимые шедевры, впитавшие их вольнолюбивый дух и отразившие широту их мировоззрения.

Беспощадна пыль веков, она погребает под собой все. Как это ни печально, но произведения Кетбуги, Сыпыра-жырау, Жума-Кула и многих других степных певцов, видимо, навсегда потеряны как для нас, так и для будущих поколений. К счастью, как великие памятники древней

архитектуры, которые выстояли перед временем и предстали перед нами, сохранив свой гордый облик несмотря на все разрушения, причиненные веками, так до нашей эпохи все-таки дошли некоторые образцы выдающихся поэтических произведений наших предков, созданных в основном в XV и следующих за ним веках.

Правда, сохранилось много литературных памятников более древнего периода, когда казахи, узбеки, киргизы, туркмены, татары еще не разделились на отдельные народы и не существовали самостоятельно. Эти памятники считаются общими для всех тюркоязычных народов. Но в этой книге мы будем говорить лишь о поэзии кочевников — о творчестве акынов и жырау. Заранее необходимо признать: наши знания о казахской литературе позднего средневековья, наше понимание ее никогда не будут полными. Но ученый, внимательно исследуя древнюю казахскую поэзию, может высказать ряд верных мыслей о ее содержании и свойствах, так же, как и архитектор может воссоздать первоначальный облик монументального памятника архитектуры, исследуя лишь не совсем разрушившиеся его фрагменты.

К сожалению, до середины 1960-х годов не проводилось специального исследования драгоценного наследия, оставленного нам мастерами слова средневековья, создателями образцов высокого поэтического искусства. До того времени было широко распространено ошибочное мнение, что история казахской литературы начинается лишь с жившего в XVIII веке Бухара-жырау...

В этой книге творчество акынов и жырау не рассматривается досконально и всесторонне. Есть основание верить, что в будущем появятся десятки основанных на новых фактах научно-исследовательских трудов о Шалкиизе, Доспамбете, Казтугане и других акынах и жырау. Но самый долгий путь начинается с первого шага. Стремлением сделать этот необходимый шаг и была рождена наша книга.

ЭТО БЫЛО, КОГДА СКВОЗЬ ПРОСТОРЫ СТЕПЕЙ
МЫ НЕСЛИСЬ, ГОРЯЧА СВОИХ СИЛЬНЫХ КОНЕЙ...

Шалкииз

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Середина XV века — рубеж, отделивший собственно казахскую литературу от общетюркской. Это связано с образованием Казахского ханства, в результате чего на историческую арену вышел казахский народ.

«В это время Абулхаир-хан владычествовал в Дешт-и Кипчаке; султанам джучидским приходилось от него очень плохо, и двое из них, Джанибек-хан и Гирей-хан, бежали в Моголистан. Иса-Буга-хан принял беженцев хорошо и отвел им край Чу и Козы-Башы, который составляет западную окраину Моголистана», — пишет об образовании Казахского ханства знаменитый историк Мухамед Хайдар, выходец из рода дулат.

Эти сведения дополняет и развивает другой казахский историк. Он подробно останавливается на причинах распада могущественного улуса хана Абулхаира и отделения от него казахов. Двое любимцев Абулхаир-хана — бий Даирходжа, прозванный за свою справедливость Акжолом (Чистый путь), и батыр Кобланды из рода каракипчак — состояли в непримиримой вражде. После долгих лет тяжбы Кобланды тайком убил Даирходжу. Близкий друг Даирходжи Аз-Джанибек, руководствуясь древним обычаем кровной и родовой мести «око за око», потребовал голову Кобланды. Хан Абулхаир не хотел жертвовать своим любимцем. Кроме того, это восстановило бы против него сильный и многочисленный род каракипчак. Он предложил Джанибеку выкуп, равноценный плате за убийство трех человек. Но Джанибек не принял его и, порвав с Абулхаиром, откочевал.

Сохранилась песня-плач отца Даирходжи Кодана-тайши, которую он исполнил, навсегда прощаясь с сыном. Эти сильные, волнующие слова полны скорби и отчаяния:

Зачем ты встретил Кобланды, о, жеребенок мой!
Мне кажется, на склоне лет
Сломали мне хребет спинной!
Мы вывели на верный путь ногайцев наших род!
О, мой костер, о, мой поток, мой в старости оплот,
Зачем ты встретил Кобланды, о, жеребенок мой?!

До нас дошли только эти строки Кодана-тайши. Но в свое время он был знаменитым, прославленным в казахской степи акыном. Известный

Шакарим. Летопись казахов и их ханов. Оренбург, 1911. С. 31—32.

акын Жанак из рода аргын, живший в XIX веке, на вопрос бия Жаркына из рода уак-керей «Были ли среди твоих предков акыны?» — с гордостью ответил:

Наш предок Аргын слыл всегда мудрецом,
В степи почитался первейшим лицом,
А пращур Аргына Кодан был акыном,
И был он искусней других всех певцов.

Однако трудно сказать, был ли Жанак знаком хотя бы с некоторыми произведениями Кодана или он просто преклонялся перед громким именем акына. В середине прошлого века Чокан Валиханов с сожалением писал о быстром исчезновении из народной памяти многих древних казахских стихов и жыров. В новой исторической обстановке мало оставалось таких акынов, как Жанак и Арстанбай, которые поистине были хранителями поэтического слова своих предков. Замечено, что многие эпические и исторические произведения, жыры, стихи отдельных поэтов времени возникновения в Степи новой общности — казахского народа — и еще более древних времен дошли до XIX века не замутненными анахронизмами, в относительно чистом и полном виде. Но многие из них не были вовремя записаны и сравнительно недавно бесследно исчезли. Произведения Кодана постигла та же печальная участь.

В 1456 году, к моменту гибели сына, Кодан был уже старцем под девяносто лет, значит, родился он примерно в 1370-х годах. Еще мы знаем об акыне, что он тайши — выходец из степной аристократии. Время смерти акына не известно, но можно полагать, что жизнь свою он закончил на берегах реки Чу, куда после смерти любимого сына, надо думать, откочевал вместе с Джанибеком и Кереем. Видимо, он увел с собой и подвластные ему роды. Поэтому можно с полным основанием считать, что Кодан-тайши сыграл не последнюю роль в формировании казахского народа.

Отделение ханов Джанибека и Керея от казахско-узбекского улуса — решающее событие в становлении казахского народа. Но, конечно, новый народ не может сложиться в один день, ибо этот процесс непростой и долгий. В последующие годы к казахам присоединялись другие роды.

Эта эпоха оставила глубокий след и в памяти народа, и в его литературном наследии. До нашего времени дошли такие древние кюи, как «Расставание казахов и ногайцев», «Смерть хана Орманбета и прощание с десятью родами ногайцев». В отделе рукописей Академии наук Казахстана сохранилось немало разных по объему стихов и поэм, отражающих известные историкам события той эпохи. Из этих произведе-

ний явствует, что некоторые роды не очень-то стремились расставаться с родными местами:

Берегов Едила и Жаика
Ничего на свете лучше нет!

Оставаться далее на этих благословенных берегах было уже нельзя. Межродовая вражда, борьба султанов за власть довели народ до последней степени отчаяния. И тем не менее люди все равно жалеют об оставленных родных становищах, сомневаются, так ли хороши новые земли, куда направляются кочевья.

Жены и дети начнут тосковать
О берегах Едила, Жаика.

Но побеждает присущий кочевникам дух странствий. Он выражен в словах старейшин:

Прадеды наши, придя на Едиль,
Разве горе принесли тогда?
Разве потому, что ума не хватало,
Со старой ушли земли тогда?

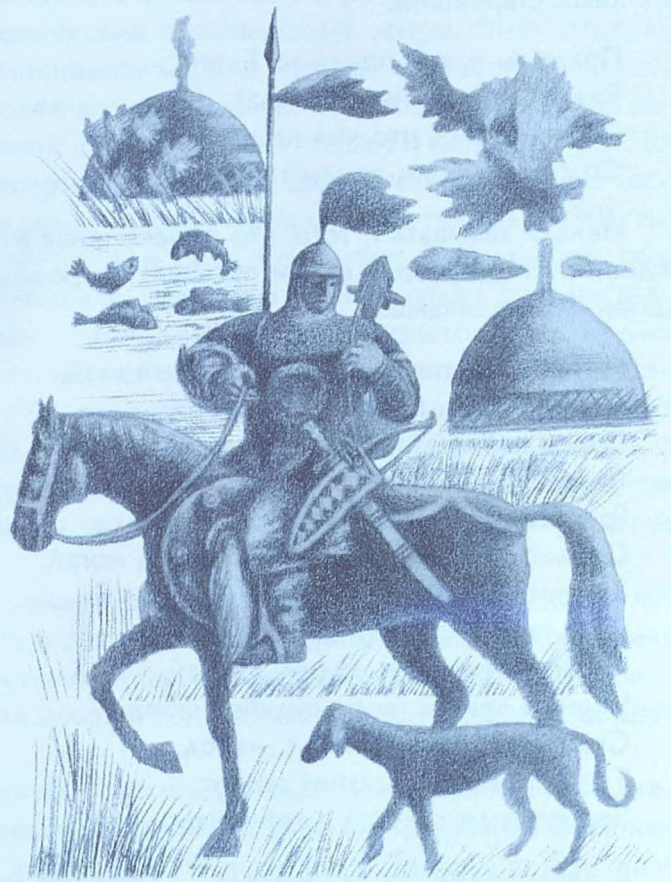
Нельзя забывать и того, что перекочевка многих родов была вынужденной. Народ со слезами прощался с родным краем, с братьями и кровными родичами.

Печальный, печальный, печальный кюй,
Словно плач, поминальный кюй.
Родов двух разлуки кюй этот знак —
С ногайцами прощается род казах.
Грустит многочисленный род ногай,
Словно лес, многолиственный род ногай.
Каракипчак Кобланды
Стал причиной черной беды —
Покидают казахи родимый край.
Черный день в твоей судьбе, народ.
Смеха не слышно нигде, народ.
Только рыданье звучит вокруг.
Вернется ли счастье к тебе, народ?

В произведениях зачинателей казахской литературы Асана Кайгы (Асана Печального) и Казтугана, имена которых упомянуты рядом во всех казахских шежере и легендах, отчетливо заметно отражение некоторых исторических событий эпохи становления казахской народности.

КАЗТУГАН-ЖЫРАУ